

ИМПЕРСКИЕ ФАНТОМЫ И МИРОПОРЯДОК

Татьяна Алексеева*

Борис Ананьев**

DOI 10.24833/2073-8420-2017-4-45-86-90

Введение. Представленная статья посвящена некоторым аспектам современной постимперской проблематики. Авторы обращают внимание на актуальность использования концепта постимперии для осмысления современных международных отношений и мирополитического взаимодействия и ставят ряд вопросов, способных стимулировать дальнейший научный поиск на данном направлении.

Материалы и методы. Авторы опираются на широко применяемый в рамках рассматриваемой проблематики сравнительно-исторический метод, что позволяет сопоставить социальные практики различных имперских и постимперских государств, с учетом исторического контекста. Кроме того, авторы привлекают элементы характерного для социальной философии метода археологии знания с целью рассмотреть сущность концепта «империи». В качестве материалов исследования, прежде всего, выступают социальные практики и исторический опыт Великобритании и Франции, то есть государств, обладающих постимперским статусом.

Результаты исследования. Результатом исследования стал ряд выводов. Прежде всего, «империя» как концепт может принадлежать к числу так называемых сущностно оспариваемых концептов, что предполагает наличие конкурирующих трактовок данной формы государственности. Во-вторых, постимперская стадия государственности является важным и неотъемлемым компонентом современной архитектуры международных отношений. В этой связи широко обсуждаемый «имперский синдром» является не просто абстрактной характеристикой, применимой к некоторым государствам, но и предполагает определенное поведение на международной арене, а также социальную рефлексию, некоторые виды которой представлены в данном исследовании.

Обсуждение и заключение. Авторы приходят к выводу о том, что имперский синдром и постимперская государственность на сегодняшний день являются важной составляющей международных отношений, которую нужно принимать во внимание, анализируя международную проблематику. Поставленные же проблемные вопросы могут стать направлениями дальнейшего научного поиска.

* **Алексеева Татьяна Александровна**, доктор философских наук, заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России.

** **Ананьев Борис Игоревич**, преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России.

Введение

Начать разговор об империях и постимпериях было бы логично с концептуализации данного явления, которая, на первый взгляд, не вызывает особых трудностей: согласно классическому «книжному» определению, понятие «империя» происходит от латинского «imperium» - власть. Вместе с тем, работы М. Фуко и ряда других политических философов показывают, что само понятие власти подразумевает разночтение при его интерпретации. Таким образом, мы можем отнести «империю» к «сущностно оспариваемым концептам», у которых «принципиально не может быть единственно верной либо общепризнанной трактовки» [3. С. 168].

Об империи зачастую принято говорить, как о возглавляемом монархом-императором крупном государстве, которое в своей основе имеет сильное военное сословие. Однако подобное понимание носит, скорее, исторический характер. Вторая - более поздняя - трактовка относит империю к такому типу государственности, при котором различные народы и этносы объединены в единое политическое тело за счет наличия единого политического центра (что, впрочем, также не бесспорно и не является исключительной характеристикой всех имевших место в ходе истории империй). Наконец, существует и относительно широко понимаемое метафорическое определение империи, которое предлагает воспринимать империю, как монополию над какой-либо определенной отраслью производства либо видом деятельности, что приближает к имперской проблематике, например, понятие «текстильная империя» или «криминальная империя».

Так или иначе, исключая чрезмерную метафорическую нагрузку, в рамках политической науки империю можно определять как плюралистичное государственное образование.

Исследование

Современная архитектура международных отношений предусматривает устойчивое преобладание национальных государств, однако, вместе с тем, периодически мы можем наблюдать своего рода имперские фантомы – попытки в той или иной форме восстановить имперский миропорядок. Как правило, там, где делались прямые попытки восстановления прошлого, они оборачивались провалом, однако для исследователя-диагноста, помимо непосредственно учёта подобных фактов, не менее важными являются оценки и противо-

положной тенденции, которые позволяют сделать вывод о возрождении привлекательности некоторых сторон постимперской государственности, причём для всех её прежних участников. Что же в таком случае сегодня заставляет многих не просто говорить об империях, но и рассчитывать на их возрождение?

Подобного рода ностальгию по империи мы можем наблюдать, прежде всего, в бывших имперских центрах-метрополиях. По всей видимости, воспоминания об имперском прошлом и, соответственно, имперском величии крепко фиксируются в исторической памяти нации. В результате, периодически «имперские мифы» вновь возникают в национальном сознании, при этом, как правило, не в форме политической идеи (возврата к прошлому), а в виде культурной (иначе говоря, психологической) компенсации утраты имперского прошлого. В этом смысле некоторые из империй, утративших данный тип государственности, проделали кропотливую работу по формированию притягательного имиджа (через экспорт продуктов культуры), а в итоге и соответствующей картины мира как у собственных граждан, так и во внешней среде. Таким образом, путь социальной рефлексии имперского прошлого определяет дальнейшую логику производства и использования продуктов культуры. Важно отметить, что важнейшая для классической имперской государственности ось «центр-периферия» в данном случае не теряет своей актуальности при существенном изменении форм такого взаимодействия. Поскольку вопрос компенсации в национальном сознании периода имперского прошлого, в первую очередь, актуален для бывшего имперского центра/метрополии, она, как правило, проявляет инициативу. Вместе с тем, было бы не в полной мере верным утверждать, что рефлексия постимперской стадии – это прерогатива исключительно бывшей метрополии, поскольку периферия также склонна извлекать максимальную пользу из прошлых «особых связей» с центром (язык, образование, хозяйственная инфраструктура, экономическое развитие, и т.д.).

Стоит отметить, что подобная культурная рефлексия имперского прошлого в национальном сознании может реализоваться в двух формах: продвижение собственных продуктов культуры вовне либо, напротив, концентрация на культивировании собственных, внутренних продуктов культуры с целью сделать их максимально притягательными во внешнем мире. Ярким примером первого пути является Англия – бывшая

«империя, над которой никогда не заходит солнце» - заново завоевавшая мир с помощью британской рок-музыки и ряда молодежных субкультур. По второму пути пошла, например, Франция, сосредоточившаяся на продвижении собственного образа «хорошей жизни» и, соответственно, привлекательности французских предметов красоты и роскоши в мировом масштабе.

Однако, говоря о примерах Англии и Франции, не следует забывать о том, что как первое, так и второе государство даже с учетом утраты имперского статуса остались в достаточной степени успешными и конкурентоспособными на международной арене. В то же время история знает и определенное число государств (которые можно причислить к бывшим имперским метрополиям либо наделить их имперским прошлым), вступивших в постимперскую стадию со значительным ослаблением собственных позиций. Это, например, Португалия, Швеция, Сербия и ряд других стран. Существуют ли какие-либо общие особенности социальной либо культурной рефлексии имперского прошлого в государствах с таким типом исторической судьбы? В рамках данного исследования ответить на поставленный вопрос однозначно не представляется возможным, тем не менее, путь, по которому пошла Сербия заслуживает краткого упоминания и обращает на себя внимание.

Болезненно переживая распад Югославии и утрату позиций на Балканах, Сербия, помимо прочего, сосредоточилась на производстве собственных продуктов культуры, которые могут претендовать на статус широко узнаваемых брендов, но при этом не позиционируются как часть массовой культуры. Яркий пример такого подхода – кинематограф Эмира Кустурицы. Сосредоточив собственное творчество вокруг национальной тематики (прежде всего, вокруг распада Югославии и конфликтов, сопровождавших этот процесс), режиссер при этом не скрывает собственной политизированности и зачастую воспринимается, как говорящий от имени Сербии на международной арене. В рамках киноискусства Кустурица хорошо известен и узнаваем, однако при этом он узнаваем, скорее как производитель достаточно специфического продукта, который может претендовать на элитарность. Проще говоря, число зрителей, знающих о месте Кустурицы в мировом кинематографе и ассоциирующих его с Сербией,

существенно превышает число тех, кто в достаточной степени знаком с его работами и предметно следит за его творчеством. Об этом, в том числе, говорят официальные заслуги режиссера в виде кинонаград и премий. Характерно, что подавляющее большинство полученных им «статуэток» не относится к категории мейнстримовых, но и не представляются откровенно маргинальными. Таким образом, мы имеем дело с попыткой создать образ элитарности вокруг продуктов культуры, которые напрямую ассоциируются с Сербией и «сербским», что одновременно апеллирует к самобытности и солидарности через общую причастность к исключительному. Подобная форма психологической компенсации в общественном сознании вызывает живой научный интерес.

Безусловно, рассмотренные сценарии не являются архетипами. Более того, уместно задать вопрос о том, возможно ли в принципе выявить архетипы искомой рефлексии имперского прошлого в условиях значительных различий во временном и историческом контекстах крушения империй? Тем не менее, как уже отмечалось выше, сама окружающая социально-политическая действительность, в которой с определенным постоянством возникают имперские фантомы, подталкивает специалистов-общественников к продолжению научного поиска в данном направлении.

Результаты исследования

На сегодняшний день изучение оставшихся в прошлом империй с позиций политической теории предусматривает не столько концентрацию на причинах их упадка, сколько на последствиях их краха как для самих постимперских государств, так и для миропорядка в целом [2. С. 13]. Современная мировая политика в числе прочих сталкивается и с вызовом со стороны групповых идентичностей. Неравенство групп¹ является для современных международных отношений фактором, который необходимо принимать во внимание, для того чтобы понять сущность процессов, происходящих в национальных и международных институтах. По всей видимости, здоровый демократический процесс в принципе тяжело поддерживать исключительно с помощью институционального дизайна без учета пространства идентичностей. Иначе говоря, сегодня вряд ли можно говорить о

¹ Прежде всего, таких, чья историческая память напоминает о былом господстве, что заставляет воспринимать даже намек на непризнание, как унижение со стороны тех, кто ранее был «на периферии».

реальной демократии в тех политических системах, где не учитывается либо не принимается во внимание разнообразие и неравенство социальных групп в гражданстве. Без идентичности не существует подлинного демократического процесса, но в то же время учет фактора идентичности крайне затрудняет теоретическое конструирование демократических институтов². При этом, безусловно, актуальным остается вопрос о том, насколько имперский миропорядок может уживаться с современным глобализированным миром. На этот счет существует вполне оправданная точка зрения относительно конвергенции в современном мире противоположных политических течений и явлений [1. С. 10].

Заключение

В ходе исследования авторы пришли к необходимости поставить как минимум три важных теоретических вопроса относительно имперской и постимперской проблематики в современном мире. В какой форме на сегодняшний день проявляется «имперский синдром»? Почему идея империи в широком смысле слова остается столь привлекательной? Есть ли место для имперской и постимперской государственности в современной структуре международных отношений? Безусловно, ответы на данные вопросы требуют дополнительных серьезных усилий и проведения дополнительного научного поиска, но уже сегодня мы можем начать дискуссию в рамках данной проблематики.

Литература:

1. Водолазов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13.
2. Barkley K., M.von. Hagen. After Empire. Multiethnic societies and Nation"Building. Westview Press. 1997.
3. Gallie, W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. Vol. 56. 1956.

THE EMPIRE PHANTOMS AND THE WORLD ORDER

Introduction. The article is dedicated to certain aspects of the post-empires' agenda. The authors are inclined to think that the post-empire concept is relevant to the analysis of the current international relations; some rhetoric questions are also raised.

Materials and methods. In order to compare social practices of different empires and post-empires taking into account the historical context, the authors use the comparative method. What is more, in order to reveal the origins of the "empire" as a concept, the authors use the elements of "knowledge archeology" as a popular method of social philosophy. The materials used are the social practices and historical experience of some post-empires: Great Britain, France and Serbia.

Research results. First of all, authors concluded that the "empire" as a concept is one of the essentially-contested one, which means that this form of statehood could have various interpretations. Secondly, post-empire statehood is an integral part of

modern international relations. Therefore the well-known "empire syndrome" appears to be not only the abstract social phenomenon, but also the way the state acts on the international arena.

Discussions and conclusions. The authors conclude that the empire syndrome and post-empire statehood tend to be the integral part of the modern IR, therefore these concepts should be taken into account within the framework of international studies. The questions raised could also drive further studies and debates.

Tatiana Alekseeva,
Doctor of Science (Philosophy), Head of
the Department of Political Theory, MGIMO-
University under the MFA of Russia.

Boris Ananyev,
Lecturer with the Political Theory Department,
MGIMO-University under the MFA of
Russia.

² Или предполагает ее сознательное редуцирование на основании более или менее ясно обозначенных критериев.

Ключевые слова:

постимперия, имперский синдром, теория международных отношений, социальная философия

Keywords:

post-empire, empire syndrome, IR theory, social philosophy

References:

1. Vodolazov G.G., 2015. Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as the ideology for current times]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Russian State Humanitarian University Review]*. № 13.
2. Barkley K., M.von. Hagen., 1997. After Empire. Multiethnic societies and Nation "Building. Westview Press.
3. Gallie, W.B. 1956. Essentially Contested Concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 56.